

нологическая путаница особенно сильна вначале, где имеется, например, такая «последовательность» дат: 7024, 7015, 7034—или: 7040, 7025. Можно полагать, что один из источников оканчивался 1581 г., так как после этой даты хронологическая последовательность не нарушается. Таким образом, есть вполне достаточные основания думать, что составитель НУвЛ использовал три летописных источника: ее ядро, в основе которого лежал Московский свод 1500—1505 гг., и две новгородских летописи, текст и отчасти состав которых были отличными от сохранившихся памятников и характеризовались большой степенью подробности в известиях, касающихся церковной жизни Новгорода. Степень использования этих летописей на разных этапах работы была различной. Вплоть до окончания ядра НУвЛ это последнее служило основой для составления свода и было переписано целиком, без перебивок в хронологию, причем из других летописей были включены лишь данные, отсутствовавшие в ядре НУвЛ. Такой характер его использования следует объяснять, очевидно, полнотой этого памятника, который давал почти непрерывную цепь известий до конца XV в. и где были достаточно подробно отражены все наиболее важные события за этот период на всей территории Руси. События же внутренней жизни Новгорода, в особенности его церковной жизни, были освещены в этой части гораздо менее полно, чем этого хотелось составителю. Поэтому он и пополнял текст ядра НУвЛ почти исключительно новгородскими известиями, оказывая явное предпочтение известиям, связанным с замещением кафедры новгородских владык и с церковным строительством в Новгороде. При этом характерно, что за период с 1274 по 1311 г. текст ядра дополнен всего 9 известиями, тогда как в предшествующей и последующей частях дополнения идут гораздо более густо. Это объясняется тем, что в ядре с 1265 по 1311 г. читается текст Н4Л, которая сама достаточно полно освещает события внутренней жизни Новгорода (в том числе и церковной).

Продолжение летописи после 1500 г. (которым оканчивалось ее ядро) имеет иной характер — хронология уже не выдерживается, составитель выписывает то из одной, то из другой летописи, не отдавая предпочтения какой-либо одной из них. Все известия XVI и XVII вв. по своему характеру одинаковы: новгородские события отражены в них с достаточной полнотой, а события общерусские переданы во всех случаях очень кратко, в несколько раз короче, чем соответствующие известия московских летописей. Это лишний раз подтверждает наше предположение о том, что оба источника, использованные составителем НУвЛ в ее второй части, были новгородскими. О новгородском происхождении имеющихся в этой части общерусских известий свидетельствуют и особенности их содержания. Так, в известии о взятии русскими войсками Смоленска (1515 г.) указывается только, что этот город «преже был за Литвою»,⁴⁸ тогда как в известиях московских летописей об этом же событии Смоленск именуется вотчиной великих князей московских. Под 1578 г. сообщается, что Иван IV совершил поход в Ливонию «со всеми московскими людьми».⁴⁹ Имеются и ошибки, которые были бы немыслимы в московской летописи: в известиях 1509 и 1515 гг. (о присоединении Пскова и взятии Смоленска) фигурирует «великий князь Иван Васильевич», тогда как в действительности эти события произошли при Василии III. В текст 1570 г. включена явно анти-московская по своей идейной направленности Повесть о походе Ивана IV на Новгород.

⁴⁸ ГИМ, Увар. 568, л. 415.

⁴⁹ Там же, л. 430 об.